

Лучше, однако, чтобы не создавать путаницы терминологии, в подобных случаях говорить не о «редакции», а употреблять слово «извод».

Извод — это тот или иной вид текста, возникший стихийно, нецеленаправленно, в результате многократной переписки текста в определенной среде, местности, стране и т. д. В результате такой переписки текста в нем неизбежно отражаются присущие переписчикам особенности.

Конечно, бывают такие виды текста, когда исследователю нелегко бывает решить — имеет ли он дело с редакцией или с изводом. Допустим, что какой-либо текст длительное время переписывается в демократической среде. В текст этот проникают диалектные формы, формы разговорной речи, возникают стилистические упрощения и т. д. Исследователю необходимо решить: что же для данного вида текста более характерно — сознательные ли усилия переписчиков «демократизировать» текст или бессознательные ошибки, обмолвки, упрощения, связанные с непониманием предшествующего текста, и т. д. В зависимости от того, что именно придает тексту его оригинальность, что именно для него наиболее характерно, исследователь и определит данный вид текста как редакцию или как извод. Конечно, бывают спорные случаи, но здесь исследователю необходимо считаться с тем, что всякая терминология, в том числе и текстологическая, условна, и решать вопрос необходимо в зависимости от того, что важнее подчеркнуть, какую сторону истории текста выдвинуть.

В порядке этой условности отметим, что изменения орфографические и языковые говорят за извод, изменения же стилистические — за стилистическую редакцию, если же имеются и изменения идейного характера, то перед нами, очевидно, новая редакция, а не новый извод¹.

Если в текст группы списков памятников внесены переписчиками общие бессознательные изменения, не носящие, однако, ярко выраженного специфического характера, связанного с определенной местностью, средой, временем, языком и пр., то лучше всего говорить о виде памятника, о группе его списков или о виде редакции. Термины «вид» и «группа списков» мало определены, и поэтому их легче употреблять в условном смысле, придавая им то или иное значение в зависимости от конкретной ситуации.

Архетип

Отдельные списки редакции несут на себе ретушь писцов. Нет двух списков, безусловно идентичных по тексту, в том числе и в пределах

¹ Иногда, впрочем, термин «извод» употребляется в значении близком к термину «вид», т. е. группа списков, имеющая общие текстуальные отличия от другой группы без существенных отличий редакционного характера. В этом смысле термин «извод» употребляется, например, исследователями «Задонщины» (извод Ундольского, Синодальный извод).

редакции. Редакция произведения включает в себя группу списков, близких, но не идентичных по тексту. Вот почему нельзя издать редакцию произведения. Можно лишь издать один из списков редакции (например, «основной», «лучший» и т. п.) с разночтениями и без разночтений или можно издать некую реконструкцию текста того основного списка редакции, от которого, как мы предполагаем, пошли тексты всех остальных списков данной редакции.

Предполагаемый текст, от которого пошли все остальные тексты списков данной редакции, принято называть архетипом редакции. Архетип может быть не только у списков какой-либо редакции, но и у какой-либо родственной группы списков вообще, или даже у всех списков данного произведения.

Мы можем говорить об архетипе списков произведения, об архетипе списков одной редакции и об архетипе одной только группы списков этой редакции. Наиболее краткое и простое определение того, что представляет собой архетип, дает П. Маас: «Текст, который начинает собой первое различие (разъединение) списков, мы называем архетипом»¹. Несколько более сложное, но в общем сходное определение архетипа дает и А. С. Лаппо-Данилевский. А. С. Лаппо-Данилевский считает архетип «оригиналом или основным источником, повлиявшим на возникновение остальных производных членов группы, т. е. воспроизведенных с него копий или источников, содержащих заимствования из него и т. п.»². А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «Вообще, можно сказать, что построение группы "родственных" источников состоит прежде всего в установлении того из них, который признается "архетипом", оригиналом или основным источником, повлиявшим на возникновение остальных производных членов группы, т. е. воспроизведенных с него, — копий или источников, содержащих заимствования из него, и т. п.; далее, такое построение нуждается в изучении соотношения, в каком зависимые источники находятся между собой; наконец, по выяснении того положения, какое каждый из них занимает в группе, построение ее завершается в виде схемы, наглядно обнаруживающей изученные их соотношения. Решение таких задач достигается при помощи общего приема, который можно назвать критикой составных частей источника: она стремится выяснить, можно ли говорить о подлинности или неподлинности такого источника как целого, или следует высказать суждения подобного рода лишь порознь о каждой из частей, входящих в его состав; в последнем случае она и пытается определить, какие из них подлинные, какие неподлинные. Критика составных частей источника и дает возможность установить архетип данной группы родственных источников, выяснить род зависимости, какая суще-

¹ «Die Vorlage, bei der die erste Spaltung begann, nennen wir den Archetypus» (Paul Maas. Textkritik. Leipzig, 1957. S. 6).

² А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, ч. I. Теория исторического знания. СПб., 1910. С. 572.

ствуется между ее членами и облегчает построение ее схемы. Без "архетипа" или основного источника, очевидно, нельзя дать законченного построения группы связанных между собой источников»¹.

Другое определение того, что следует подразумевать под архетипом, дает А. Дэн: «Архетип — это наиболее древнее свидетельство той традиции, в которой авторский текст закреплен в форме, до нас дошедшей. Если имеется несколько форм традиции, — то, очевидно, имеется и несколько архетипов»².

В общем все эти определения говорят об одном и том же: архетип — это тот текст, от которого пошли остальные тексты произведения, редакции произведения или группы списков произведения. Большинство текстологических школ ставит себе целью восстановить ближайшие архетипы произведения (групп списков и редакций), чтобы от этих архетипов постепенно восходить к восстановлению общего архетипа произведения и на основе этого восстановленного архетипа произведения судить об авторском тексте.

Казалось бы, понятие совершенно ясное. Однако практически, в работе текстологов, понятие архетипа оказывается очень сложным и не всегда ясным. А. Дэн пишет: «В филологии нет понятия более существенного, чем понятие архетипа, и нет, пожалуй, понятия более запутанного»³.

Если архетип редакции — это тот список, к которому восходят все списки данной редакции, то не означает ли это, что архетип редакции это и есть список составителя редакции? А архетип произведения — не есть ли он в свою очередь авторский текст произведения? Оказывается, однако, что архетип редакции и редакторский текст не всегда один и тот же; так же точно не обязательно совпадают архетип дошедших до нас списков произведения и текст автора.

В самом деле, вообразим себе такой случай. Все списки какого-либо произведения, кроме одного, были уничтожены в середине и второй половине XIII в. в результате татаро-монгольского нашествия. От сохранившегося тогда, но не дошедшего до нас списка пошли все другие списки, которые сохранились. Если мы на основе сохранившихся списков станем восстанавливать тот текст, от которого пошли тексты сохранившихся списков, то, идя по наиболее правильному пути, мы восстановим текст случайно сохранившегося в XIII в. списка, а не текст автора. Сохранившийся же список начала XIII в. мог представлять текст одной из редакций, имевшейся в начале XIII в., или какой-либо особой группы списков. Такое положение со списками вовсе не исключение.

¹ А. С. Лаппо-Данилевский. *Методология истории*, ч. 1. С. 572–573.

² «L'archétype est le plus ancien témoin de la tradition où le texte d'un auteur se trouve consigné dans la forme qui a été transmise. S'il y a plusieurs formes de la tradition, il y a évidemment plusieurs archétypes» (A. Dain. *Les manuscrits*. Paris, 1949. P. 96).

³ Ibid.

Могло случиться и так: авторский текст дал начало только одному списку, и он пропал, тот тоже только одному, и тот тоже пропал, и только уже от этого третьего (но первого из сохранившихся) списка пошли сразу несколько различных списков, от которых, постепенно разрастаясь в количестве, пошла вся дальнейшая генерация списков. В этом случае текст всех дошедших до нас списков будет также восходить не к авторскому тексту, а лишь к списку третьего от авторского и нести в себе особенности этого третьего списка.

В данном случае, восстанавливая текст, от которого пошли все дошедшие до нас списки, мы восстанавливаем не текст автора и не текст редакции, а текст того списка, от которого пошли все остальные и который мы условно называем архетипом дошедших до нас списков произведения. Архетип этот может совпадать с текстом автора или редактора, но может и не совпадать.

Еще более неутешительные выводы даст нам ответ на вопрос — обязательно ли вообще предполагать существование в прошлом архетипа произведения или архетипа редакции. В самом деле, если представлять себе историю текста так, как представляли ее себе адепты школы К. Лахмана, т. е. что каждый переписчик переписывал только один текст какого-то списка, то восхождение к общему архетипу обязательно, но писец мог соединять два текста или больше, мог иметь перед глазами два списка или больше. В этом случае общий архетип будет отсутствовать.

А. С. Лаппо-Данилевский сомневался, что восстановление архетипа практически возможно во всех случаях, но он не сомневался в том, что архетип произведения, редакции, группы списков всегда существует. А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «Само собою разумеется, что восстановление архетипа не всегда возможно: оно едва ли осуществимо, например, если заимствования из него значительно переработаны или слишком ничтожны для того, чтобы позволительно было судить по ним об оригинале, или если намеки на него сохранились только в более или менее вольных подражаниях ему, и т. п. В таких случаях приходится довольствоваться предполагаемым, но неизвестным архетипом, к которому зависящие от него источники должны возводиться»¹.

Теория архетипа и уверенность в его существовании (предполагаемом или реальном) основываются у А. С. Лаппо-Данилевского, конечно, на представлениях, идущих от К. Лахмана. В списках А. С. Лаппо-Данилевский видит лишь «копии», идущие от одного оригинала²; все изменения текста в этих копиях для А. С. Лаппо-Данилевского лишь «ошибки», и группировка «копий» ведется им по системе подсчета «общих» для нескольких «копий» ошибок³, а само восстановление архетипа — путем «очищения» текста от ошибок и поправок⁴.

¹ А. С. Лаппо-Данилевский. *Методология истории*. С. 586.

² Там же. С. 579.

³ Там же. С. 589.

⁴ Там же. С. 584.

Обычно предполагалось, что средневековая традиция греческого классического произведения восходит к архетипу — по большей части византийского или александрийского происхождения. Массовые находки папирусных текстов классических произведений опровергли эти представления текстологов¹. Дж. Паскуали в своем большом труде по текстологии очень скептически относится к теории архетипов вообще (этому вопросу посвящена специально вторая глава его труда: «Всегда ли существовал архетип?» — «*Ci fu sempre un archetipo?*»)².

Протограф

Практически понятие архетипа вовсе неприменимо в истории летописания, где своды входят между собой в сложные отношения, перекрещиваются, проверяются один по другому и непрестанно сливаются. А. А. Шахматов никогда не применял понятие архетипа, так же как и его последователь М. Д. Приселков. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков применяли понятие протографа. Это понятие отлично от архетипа. Под протографом понимается б л и ж а й ш и й по тексту оригинал одного или нескольких списков. Протограф — это очень близкий по тексту предшественник дошедшего списка или группы списков. Отношения списка к протографу не обязательно подобны отношению копии к оригиналу. Между списком и его протографом могут быть промежуточные списки, но только при том условии, что список не подверг свой протограф переработке или хотя бы частичному изменению. Архетип может отстоять от своих списков довольно далеко по тексту, протограф же близок по тексту к списку.

Архетип и протограф могут совпадать, но если архетип намечается в точке схождения восходящих линий родства, то к протографу список восходит обычно по прямой.

Терминологическое различие это очень важно, ибо можно спорить, существовал ли вообще архетип тех или иных сохранившихся списков, но не их протограф или протографы, если только перед нами не текст самого автора. Происхождение тех или иных дошедших до нас текстов может быть множественным. Текст может представлять собой компиляцию двух или нескольких текстов редакций, испытать на себе воздействие других памятников и т. д., и говорить тогда об архетипе невозможно. Существование же

¹ О значении папирусных текстов классических произведений см.: *Ch. H. Oldfather. The Greek Literary Texts from Graeco-Roman Egypt. A Study in the History of Civilization.* — University of Wisconsin. Studies in the social sciences and history, Madison, 1923, № 9. — Ср. также о критике папирусных текстов: *H. C. Youtie. The Textual Criticism of Documentary Papyri. Prolegomena.* — University of London. Institute of Classical Studies. Bulletin. Supplement, № 6, 1958.

² *G. Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo.* Firenze, 1952.